

Л. С. ВАСИЛЬЕВ

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ОЧЕРТАНИЯ

ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

(Эскиз теоретической конструкции)¹

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. ТРИУМФ ЗАПАДА

И ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ВОСТОКА В XIX В.

Развитие раннекапиталистического Запада в XVII–XVIII вв. шло нарастающими темпами. Свое веское слово сказал прежде всего внутренний экономический рост ведущих европейских стран – Нидерландов и Англии, достаточно быстро превращавшейся в Великобританию. О том, как развивался капиталистический Запад в этот период недавней истории, известно очень хорошо. Можно напомнить о превращении традиционных, хотя и все более активно совершенствовавшихся мануфактур в фабрики, где все шире начинали применяться машины, вначале достаточно простые, но затем все более сложные. Технические и технологические усовершенствования, опиравшиеся на бурный процесс развития фундаментальной науки, особенно физики, давали о себе знать все более весомо. XVIII век был началом триумфа прикладной науки, ставившей своей целью сделать капиталистическое машинное (фабричное) производство максимально эффективным. И хотя заметного эффекта в этом смысле удалось достичь только уже в следующем, XIX веке, фундамент для этого был заложен веком-двумя раньше.

Параллельно шло развитие европейской цивилизации, духовной и материальной (в самом широком смысле этого понятия) культуры ведущих стран Западной Европы. Спровоцированная развитием философии и науки в постренессансное время тяга ко всему новому и современному сыграла немаловажную роль в том, что XVIII век там стал веком Просвещения. И дело отнюдь не только в том, что французские энциклопедисты и великий

---

¹Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1–2; 1998. № 1.

Вольтер поставили своей целью максимально просветить, образовать среднего дворянина и буржуа, хотя это было важной их задачей. Гораздо большего внимания заслуживает их (а за ними и их коллег в других странах, прежде всего в Англии) стремление просветить высшую власть, европейских монархов, объяснив им, что наступает новое время, когда абсолютизм как метод правления становится непригодным, когда следует принимать во внимание и желания народа, прежде всего многочисленных и становившихся все более богатыми и влиятельными горожан, третьего (после дворянства и духовенства) сословия Европы.

Далеко не случайно для этого было использовано в качестве побудительного стимула все то, что первое поколение европейских миссионеров узнало, в частности, из древнекитайских книг о классических нормах конфуцианства с его стремлением создать государство порядка и гармонии, где младшие почитают старших, а старшие заботятся о младших. Некритически воспринятый конфуцианский идеал стал очень популярен в Западной Европе, а Вольтер активно пропагандировал его. Как известно, косвенным результатом этого стало увлечение всем китайским и проникновение стиля «шинуазри» в Европу, особенно во Францию, о чем напоминали версальские сады с их беседками в китайском стиле, да и многое другое. Век Просвещения сыграл свою историческую роль, подготовив вместе с многими иными процессами (не говоря уже о конкретных причинах) Великую французскую революцию, которая и стала провозвестником новой эпохи в европейской, да и в мировой истории. Собственно, именно с этого времени ведущие государства Западной Европы, а параллельно с ними и Соединенные Штаты Америки, становятся буржуазными демократическими странами в полном смысле этого слова.

33. Буржуазно-демократический Запад в XIX в.

Девятнадцатый век в Европе, да и в Америке, со всеми его многочисленными войнами и революциями был, особенно по сравнению со следующим, двадцатым веком, сравнительно мирным с достаточно медленными, хотя и все растущими темпами

экономического роста и культурного прогресса. Буржуазия и тесно связанные с ней наука и техника, прикладное значение которых было уже высоко оценено и которые поэтому достаточно щедро финансировались, играли все возрастающую роль в создании фундамента относительного благополучия общества в целом. Выйдя на передний план в качестве ведущего сословия, западноевропейская и североамериканская буржуазия на протяжении всего века (впрочем, это касается и века двадцатого) активно способствовала развитию научно-технического потенциала Запада, что в результате вело к неуклонному укреплению его внутренних устоев.

Все шире прокладывали себе в этих условиях дорогу восходящие к античности или возникавшие заново демократические нормы и процедуры, начиная с ограничения прав традиционных правителей (принцип конституционной монархии) и кончая созданием республиканских режимов с сильной парламентской или президентской (с регулярно сменяемыми президентами) властью. Совершенствовалась правовая система с развитой адвокатурой, направленной на всестороннюю защиту личности, прежде всего собственника, от любых посягательств. Расцветала развитая инфраструктура, будь то сеть школьного и высшего образования, системы здравоохранения, связи (почта, телеграф, железные и иные дороги), финансы и банки, городское строительство и т. д. и т. п. Все это открывало дорогу развитию литературы и искусства, музыки и театра, философии и иных социальных и гуманитарных наук. И хотя интенсивное развитие европейской духовной культуры началось задолго до этого, в эпоху Ренессанса, и в общем-то не затухало и во все постренессансное время, девятнадцатый век заметно отличался от предшествовавших ему и в этой сфере.

Словом, капиталистический Запад в прошлом веке и тем более к его концу активными темпами обогащался как материально, так и духовно. Разумеется, это никак не означает, что у него не было проблем, включая и весьма серьезные. Оставляя в стороне войны, вызывавшиеся чаще всего вечными национально-политическими претензиями, обратим внимание на революции.

Отнюдь не все они были связаны с недовольством широких народных масс, как то еще недавно было принято считать в отечественном марксистском обществоведении. По меньшей мере часть их была вызвана к жизни теми же проблемами, что порождали европейские войны – национальными чувствами ущемленных в своих правах народов или политическими распрями между, скажем, монархистами и республиканцами. Но часть европейских революционных движений прошлого века действительно вызывалась к жизни недовольством беднейшей части городского населения (пролетариата – по Марксу).

Справедливости ради стоит заметить, что, несмотря на трудные условия жизни фабричных рабочих, особенно в первой половине прошлого века, революционные настроения в их среде сами по себе обычно не возникали или, на худой конец, ограничивались экономическими методами (стачки и т. п.). К революционным, т. е. насильственным методам борьбы их обычно, с большим или меньшим успехом, подталкивали так называемые революционеры, т. е. профессионалы революционного насилия, сторонники той или иной радикальной идеологии. Радикализм на Западе в прошлом веке был вызван к жизни как кричащим неравенством в уровне доходов различных социальных слоев, так и логическим развитием революционных традиций, опиравшихся на доктрины радикальных мыслителей, количество которых особенно увеличилось на рубеже XVIII–XIX вв., после французской революции, давшей для этого мощный толчок.

Начертанные на знамени этой революции лозунги (свобода, равенство и братство!) воспринимались различными людьми по-разному и, в частности, открывали дорогу для крайнего социального экстремизма, питавшегося, помимо всего прочего, утопиями далекого прошлого. Эти утопии, как и лозунги (из них более всего привлекали людей равенство и братство, свобода как требование и норма жизни для большинства населения было понятием достаточно абстрактным и касалось в лучшем случае формы правления в стране), воспринимались фабричными рабочими, большинство которых были выходцами из крестьян, в духе традиционных крестьянских традиций, прежде всего мечты о

социальной справедливости как о равенстве, о братстве равных. И именно на эту большую мозоль пролетариата и стремились как можно сильнее наступить радикальные революционеры из числа социальных экстремистов. К слову, по меньшей мере во второй половине прошлого века это стало актуальным и в далекой от Западной Европы России, которая по многим параметрам традиционного бытия и мышления была страной более восточной, нежели западной. Впрочем, специальный разговор о России еще впереди. Пока же обратимся вновь к Западу.

Оценки процесса развития на Западе в прошлом веке вызвали и все еще вызывают в мировом общественном сознании серьезные споры. Не вдаваясь глубоко в их суть, стоит выделить самое главное: для большинства специалистов, оценивающих развитие человечества в интересующий нас период, он в целом был успешным для Запада, ибо в конечном счете явился необходимым фундаментом для расцвета европейской науки и культуры в нашем веке, что особенно заметно сегодня, в конце века. Капиталистическая (рыночно-частнособственническая в ее высшей и едва ли не наиболее совершенной форме) структура именно в то время, как уже упоминалось, энергично процветала, а экономический рост шел наиболее бурными темпами, ускоряясь чуть ли не с каждым десятилетием. Развивалась техника, увеличивалось количество машин на фабриках, внедрялись в производство новые технико-технологические усовершенствования, изобретались двигатели, ведущие к увеличению масштабов использования в производстве немускульной энергии.

Едва ли есть смысл продолжать, разве что стоит заметить, что все это было результатом расцвета серьезной фундаментальной науки, которая уже в прошлом веке вплотную подошла к решению кардинальнейших проблем физики и медицины. То и другое, помимо всего прочего, было важно именно потому, что в случае успеха могло быть активно использовано во благо всех людей, включая многонаселенный и в целом значительно отставший от Запада по уровню развития Восток.

Стоит, однако, заметить, что были в XIX веке и принципиально иные оценки характера развития Запада. Они принадлежа-

ли прежде всего как раз тем идеологам, которые нарочито преувеличивали социальные противоречия в обществе. Их позиция сводилась не столько даже к отрицанию несомненных достижений Запада в его прогрессивном развитии, сколько к критике капитализма как социально-экономической системы, жестоко эксплуатирующей рабочий класс и в силу этого способной привести человечество к катастрофе. Наиболее экстремистски настроенные радикалы утверждали, что кризисы перепроизводства, нередко случавшиеся в прошлом веке, являются наглядным свидетельством общего кризиса запутавшегося в противоречиях капитализма как социального строя, как экономической системы. Выход из этого кризиса один – глобальная революция мирового пролетариата. Пролетарии всех стран, соединяйтесь против мирового капитала! К этому сводился лозунг социальных экстремистов, предлагавших взамен реальной и неприглядной, на первый взгляд, действительности идеализированные утопические схемы.

Одно время, в последней трети прошлого века, казалось, что экстремистам сопутствует успех. Своего рода эксперимент, правда неудачный, был осуществлен ими во Франции (Парижская коммуна). Но это был последний шанс, который им предоставил Запад. К концу прошлого века развитие западного капитализма оказалось настолько успешным, а плоды его столь ощутимыми, в том числе и для опекаемого экстремистами пролетариата, что идеи их там больше не имели успеха (иное дело, как показала жизнь, – традиционный Восток, включая в первую очередь Россию, при всех оговорках относительно ее принадлежности к Востоку).

С этого момента мир Запада, по меньшей мере в наиболее передовых странах Западной Европы и Америки, определенно начал вступать в противоречие со светлыми мечтами тех, кто, следуя социальным экстремистам прошлого века, готов был поверить в скорое крушение капитализма и близкое будущее коммунизма. Как известно, в конце XIX века это объективное обстоятельство привело к расколу социальных экстремистов на умеренных и крайних. Умеренные были готовы свернуть лозунги

революции и попытаться мирным путем вырвать у капиталистов уступки, которые позволили бы улучшить положение рабочего класса и иных низших и социально не обеспеченных слоев населения. Крайние стояли на своем – только революция и диктатура пролетариата!

В конечном счете этот раскол дорого обошелся человечеству и особенно тем странам (в первую очередь России и кое-кому из ее соседей, кто был вынужден примкнуть к ней), которые испытали на себе в XX в. последствия социального эксперимента, связанного с пролетарской революцией и диктатурой пролетариата. Но стоит заметить, что ни одна из развитых стран Запада добровольно на этот путь не стала, причем фундамент иммунитета против революционного экстремизма был заложен именно в XIX веке.

Принимая во внимание все сказанное, мы вправе зафиксировать главное: путь Запада, определенный параметрами, заложенными в его фундамент еще в античности, на протяжении последних веков наглядно продемонстрировал свои преимущества как с точки зрения темпов экономического роста, так и в виде обеспечения (благодаря этим темпам и экономическому росту как таковому) практически почти всего населения стран Запада достойным уровнем жизни. Этот факт остается неоспоримым, причем о нем наглядно свидетельствуют успехи не только стран Запада, но и трансформировавшихся под его воздействием и по его эталонам ряда стран Востока, начиная с Японии, где капиталистическая модель, пусть с необходимыми модификациями, давно и успешно реализуется, демонстрируя все новые и новые достижения.

В чем причины очевидного триумфа западного капитализма при всех его язвах, столь старательно фиксировавшихся революционно настроенными социальными экстремистами и даже умеренными критиками? Влияние античного наследия здесь неоспоримо, о чем только что было упомянуто. Но дело далеко не только в этом. Разумеется, античное наследие обеспечило рецепцию известных с древности правовых и политических норм, которые стояли на страже частного собственника и свободного

рынка и тем гарантировали включение на полную мощность тех импульсов (энергия, инициатива, предприимчивость, экономическая заинтересованность и т. п.), которые реализовывали скрытые потенции общества и, в частности, обеспечивали ускорение темпов экономического роста, лежавшего в конечном счете в основе всего прогресса.

Однако всем хорошо понятно, что прогресс не ограничивается экономическим ростом как таковым и что, более того, для обеспечения все того же экономического роста нужны благоприятные условия. Античность создала немалое число таких условий. Но их хватало лишь для того уровня экономического бытия и темпов роста, которые были характерны для нее, для античности. Новоевропейские времена во многом отличались от того стандарта, что был характерен для европейской древности. Нужны были новые институты, новые формы организации общества. И все это было создано, причем достаточно быстро и в принципе вполне удачно. Речь идет о европейской демократии.

Опять-таки стоит еще раз напомнить, что и термин и сущность понятия «демократия» идут от античности. И реверансы, которые в связи с этим всегда делаются в ее адрес, вполне заслуженны. Но справедливости ради стоит заметить, что античная демократия отличается от буржуазной того же XIX века примерно так же, как способное дитя от выросшего из него умного взрослого. Иными словами, нужно было приложить немало усилий (на что ушло много времени), дабы демократические нормы и процедуры в новоевропейских условиях не только были созданы и заработали в полную силу, но и стали фундаментом общественных отношений и тем обеспечили должные темпы экономического роста и социального прогресса.

Если абстрагироваться от всего того постренессансного процесса, который вел Запад к буржуазной демократии и немалого добился в этом направлении, заложив основы дальнейших достижений, то справедливости ради стоит заметить, что творцом новых и основополагающих успехов в этом направлении стал именно XIX в., точнее даже конец XVIII, когда два великих перелома изменили ход истории. Об одном из них уже было

сказано – это французская революция с ее лозунгами и экстремальными крайностями якобинцев. Оставляя в стороне споры о том, как оценивать эту революцию (не столько ее лозунги, тоже достаточно спорные по сути своей, о чем вскользь уже было сказано, сколько экстремизм поклонников гильотины), нельзя не принять во внимание, что последовавший за ней приход к власти Бонапарта оказался великим благом, причем не только для Франции.

Наполеон не только распространил достижения французской революции (в их освобожденной от экстремизма форме) едва ли не на всю Европу, что дало огромный толчок ее последующему развитию, но и подарил экономически укрепившемуся миру капитала свой знаменитый кодекс – тот самый столь необходимый для нее свод нормативного поведения в буржуазно-демократическом обществе, в котором так нуждалась новая Европа. Имея это в виду, есть все основания сказать, что французская революция конца XVIII в. была лишь началом (и очень страшным началом) того действительно великого революционного переворота, который уже в XIX в. был совершен усилиями Наполеона. Во всяком случае, именно его едва ли не в первую очередь.

Разумеется, в том же направлении действовал не один Наполеон. Буржуазно-демократические нормы давно уже вызревали в Англии, где парламент, активно действовавший в этой стране с XIII в. и никогда не боявшийся вступить в спор с монархами, а порой и одолевавший их, принимал соответствующие акты. И хотя эти акты обычно не сводились в кодекс типа наполеоновского (в Англии до сих пор нет конституции как таковой), это не мешало использовать их в направлении совершенствования норм демократии. В меньшей степени аналогичный процесс был характерен для иных западноевропейских стран. Но зато Америка все с того же конца XVIII в. начала перехватывать инициативу.

Северная Америка вплоть до конца 70-х гг. этого века была колонией Англии. Но все более очевидно назревавший конфликт между колонистами и метрополией привел к успешному восстанию (знаменитое «бостонское чаепитие» формально послужило его началом), которое завершилось изгнанием из Америки ан-

глийских королевских солдат и чиновников и консолидацией колонистов во главе с их признанными вождями, «отцами-основателями» Соединенных Штатов Америки. История США в XIX в. была отнюдь не гладкой. Достаточно напомнить о гражданской войне Севера с Югом в связи с проблемой негритянского рабства. Победа противников рабовладения была закономерной в стране, где сразу же после изгнания англичан была принята конституция, одна из самых совершенных в истории человечества.

Немногословная и тщательно продуманная, эта конституция с несколькими уточняющими ее поправками существует уже свыше двухсот лет в практически неизменном виде и вполне удовлетворяет потребности современных США, что убедительно свидетельствует в ее пользу. Об этой конституции написано много, и она того вполне стоит. Отнюдь не стремясь ее анализировать, тем более в деталях, следует сказать одно: такой документ мог быть создан лишь свободными людьми, выше всего ценившими именно ее свободу. Разумеется, «отцам-основателям» не были чужды и столь излюбленные, вынесенные в лозунг французские идеи равенства и братства. Собственно, именно за равенство всех людей было пролито столько крови в гражданской войне, покончившей с рабством (хотя дискриминация негров де-факто продолжалась в США еще столетие и, быть может, не должна считаться окончательно преодоленной и в наши дни). И все же основой основ американской конституции является свобода. Вопрос лишь в том, что это такое и как ее, эту свободу, столь ценившуюся еще эллинами, следует понимать.

Дух американской конституции во многом обязан тому, что колонисты Северной Америки были людьми смелыми и решительными. Они преодолевали океан и ехали в неведомое (во всяком случае, на первых порах) чаще всего не от хорошей жизни. Но они были готовы ко всему и, главное, оставляли в старой жизни все то, что им мешало. Это немаловажное объективное обстоятельство в значительной мере объясняет то, что традиции прошлого не угнетали американцев в такой степени, как это было характерным для той же Европы. Американские колонисты

были в массе своей людьми набожными. Но в основном – протестантами с четко выраженным пуританским оттенком, т. е. людьми, готовыми истово трудиться, создавая новую жизнь и не жалуясь на трудности. Людьми, готовыми постоять за себя в борьбе за эту новую жизнь, создававшуюся ими по собственной модели. Модель же, о которой идет речь, и была воплощена в конституции США.

Собственно, именно эти три важнейших импульса: войны и кодекс Наполеона после французской революции на западно-европейском континенте, парламентарная традиция в успешно противостоявшей Наполеону островной Англии и конституирование США – и следует считать теми основополагающими внеэкономическими факторами, которые предопределили триумф Запада в прошлом веке и, в частности, обеспечили условия для быстрого его экономического роста, достижения которого свели на нет немалые усилия социальных экстремистов.

Обратив на это должное внимание, мы имеем все основания перейти к следующей теме и попытаться разобраться в том, как, когда, какими темпами и в каком направлении трансформировался так или иначе давно уже затронутый воздействием западного капитализма весь остальной мир. Речь пойдет, естественно, о Востоке, хотя в традиционное понятие «Восток» будут включены и некоторые из тех стран, которые не вполне отвечают привычным критериям, как, например, Россия.

34. Колониальный Восток накануне трансформации

Экономический рост Запада уже на рубеже XVIII–XIX вв. был одной из важных причин усиления давления европейского капитала на Восток. В отличие от первого этапа колониализма, когда проникновение европейцев в страны Востока было весьма избирательным и, если не считать миссионеров, обуславливалось торговыми выгодами, которые контакт с восточным миром мог принести, давление капитала на втором этапе было спровоцировано совсем иными причинами. В схематической форме, столь излюбленной в недавнем прошлом учебниками истмата, это кратко именовалось поиском рынков сбыта и источников сырья. В какой-то мере дело обстояло именно так. Развивавшаяся

промышленность Запада, в первую очередь и едва ли не главным образом, во всяком случае, на начальном этапе, текстильная, требовала стабильных источников сырья, прежде всего хлопка, который для Европы (США в этом отношении стояли особо – у них был свой юг, где хлопок выращивался ввезенными туда африканскими рабами) был колониальным товаром. А коль скоро хлопок щедро вывозился из стран Востока и этот вывоз активно стимулировался, в том числе и материально, то необходим был и ответный ввоз в колонии фабричных тканей, что, к слову, тоже было стимулом для экономики метрополий.

Однако смысл расширения колониальных владений сводился не только к этому. Усиление давления европейского капитала и расширение колониальных владений стало естественным продолжением первого этапа и просто не могло не проявить себя так или иначе. Прежде всего двухвековой опыт функционирования ост-индских компаний, особенно британской, показал, что усиление политических позиций, в том числе с применением оружия, само по себе, во всяком случае в Индии, которая была до поры до времени основной зоной активности компании, при умелом ведении дела способно принести немалую материальную выгоду. И действительно, заметное расширение влияния компании и захват ею одной за другой значительных территорий распадавшейся империи Великих Моголов превратили ее в конце XVIII в. в крупнейшего колонизатора. Ведь не секрет, что именно успешная деятельность компании заложила фундамент британских колониальных владений в Индии. Парламенту в XIX в. осталось лишь формально, законодательно закрепить этот субконтинент за Англией, превратив его в «жемчужину британской короны». Аналогичным образом обстояло дело в Индонезии, где фактическим хозяином страны долгое время была нидерландская Ост-Индская компания, пока наполеоновские войны не привели к крушению метрополии как самостоятельного государства. Но и в Индонезии после Лондонского соглашения 1824 г. колонизатором стала заменившая собой компанию метрополия, т. е. Голландия.

В тех странах, где местная власть была более сильной, нежели в Индии и Индонезии (как, например, в Египте или Китае), создавалась ситуация колониальной зависимости страны от

вторгшихся в нее колонизаторов, в чьи руки по тем либо иным причинам попадал фактический контроль над торговлей и финансами. И хотя здесь административный контроль оставался за местной властью, подчас готовой активно противостоять колонизаторам, на деле от европейского капитала зависело многое, порой даже очень многое. Объяснялось это тем, что затронутый колониальным капиталом Восток (здесь уместна какая-то аналогия с мумией, разлагающейся от соприкосновения с воздухом в открытом археологами саркофаге) начинал быстрыми темпами трансформироваться, причем это не зависело ни от его желания, ни от политики властей, ни даже от силы стихийного сопротивления местного населения.

Дело в том, что при соприкосновении с европейским колониальным капиталом, который появлялся на Востоке во всеоружии и, во всяком случае на втором этапе своего существования, был тщательно оснащен всеми необходимыми для его энергичного развития и процветания на чужой почве элементами инфраструктуры, будь то финансово-банковские связи, транспорт, налаженная система контактов с властями, активная поддержка метрополии (при необходимости и военная) и, что едва ли не самое важное, надежный контингент компрадоров-посредников из числа местных торговцев, чиновников и прочего люда. И хотя на традиционном Востоке рыночно-частнособственнический сектор хозяйства, возникший в незапамятные времена, всегда находился под строгим контролем администрации и потому до вторжения колонизаторов никогда не играл чересчур активной и тем более экономически и политически самостоятельной роли, вторжение иностранного капитала все изменяло. Именно представители этого сектора хозяйства оказывались в наиболее выгодном положении. Они умели торговать, неплохо знали, что такое рынок и, главное, были нужны, прямо-таки необходимы тем, за кем теперь была реальная сила в быстро меняющихся обстоятельствах.

Разумеется, практически все обстояло далеко не просто. Уже не раз говорилось о том, что в традиционной восточной структуре частный сектор стоял едва ли не на последнем месте — если не по своей значимости для общества, то, во всяком случае, по своей правоспособности, по месту на иерархической лестнице

общепризнанных ценностей. Стоит еще раз напомнить, что на первом были традиционные общинно-государственные типовые связи (общинники производили, аппарат власти надзирал, осуществлял необходимые строительные проекты и, главное, собирал и перераспределял подлежавшие редистрибуции ресурсы). На втором – связи семейно-клановые, корпоративные, патронажно-клиентные, тесно переплетавшиеся с первыми (общинно-государственными), но, в отличие от них, стоявшие на страже традиционных прав и прерогатив мелких корпоративных общностей (семья, клан, община, каста, секта, землячество, цех и т. п.), что было особенно существенно в условиях вполне реального произвола администрации и отсутствия четко прописанного и тем более тщательно соблюдаемого законодательства. И лишь третье и последнее место в этой нерушимой иерархии внутренних связей, на которой держалось любое традиционное восточное общество, занимал частник со своими своекорыстными целями и интересами.

Разумеется, для своей безопасности любой частный собственник, тем более богатый, окружал себя немалым количеством преданной ему родни и зависевших от него клиентов. И это помогало ему выжить в устойчивом противостоянии коррумпированной администрации. Но так как закон и весь стиль жизни Востока всегда был на стороне большого коллектива, завершающей и высшей формой организации которого было государство, то частный собственник в любом случае имел мало простора для своей деятельности. И вот, наконец, настает его час: вторгшийся в страну колониальный капитал не только делает на него ставку, но и активно его поддерживает, берет его под свое весомое и немало стоившее покровительство. При этом важно заметить, что, если первые два века раннего торгового капитализма были как бы подготовительным этапом, позволившим различным слоям восточного общества и разным типам устоявшихся связей как-то ориентироваться в новой обстановке, к тому же на весьма ограниченном пространстве факторий с небольшим объемом торговых сделок, то теперь ситуация резко изменилась.

Перемена ситуации, о которой идет речь, была прежде всего на руку именно восточному частному собственнику, хотя справедливости ради уместно заметить, что и по меньшей мере часть

традиционно коррумпированного восточного чиновничества тоже сумела извлечь из нее выгоду. Именно эти два социальных слоя ранее других уловили новые возможности и в большинстве своем стали сотрудничать с колонизаторами, причем это было едва ли не в равной степени и там, где взамен местного распавшегося правительства у власти стала колониальная администрация, и там, где колонизаторы отвоевывали для себя у восточного правительства привычные и необходимые для их нормального функционирования права и привилегии.

Вообще-то говоря, нечто подобное происходило (по меньшей мере в ближневосточном регионе) и прежде, во времена эллинизации, и не привело к какой-либо заметной трансформации традиционного общества. Как упоминалось, это общество в большинстве своем, за исключением эллинизованных городов, просто застыло, как бы законсервировалось в своем обычном состоянии чуть ли не на тысячелетие, после чего (с начала исламских завоеваний), как спящая принцесса из известной сказки, едва ли не мгновенно восстановилось в прежнем своем качестве. В чем было принципиальное отличие теперь, при вторжении колониального капитала?

Отличие было, причем именно принципиальное. Оно сводилось к тому, что этот капитал не оставлял в стороне весомую часть традиционного восточного общества, как то было в древности. Напротив, он энергично и вполне осознанно брался за трансформацию общества в целом, ибо ему было нужно именно это. Начиная со второго, промышленного этапа колониализма для колонизаторов, как уже упоминалось, важен был рынок, причем все возрастающий, важно было сломать традиционные формы существования основной массы населения и заставить это население ориентироваться на новые формы рыночного бытия. Разумеется, традиционное общество, выше всего ценившее консервативную стабильность и отнюдь не желавшее менять привычный образ жизни, всячески этому сопротивлялось. Этому содействовали и правительства, особенно там, где они еще были достаточно сильны. Однако процесс был всемирным и шел с заметным нарастанием, так что рано или поздно (в основном к середине XIX в., в Африке – в конце этого века), но сопротивление оказывалось сломленным. Перед традиционным Вос-

током оставалась одна возможность – вынужденное приспособление к меняющимся обстоятельствам. С этого и начался этап генеральной трансформации традиционного Востока.

Характер и темпы этой трансформации зависели от многого. Прежде всего, существенную роль играли уровень развития того или иного восточного общества, который в свою очередь зависел прежде всего от природно-климатической среды обитания, но также и от древности и силы религиозно-цивилизационных традиций, от крепости государства. Разумеется, немалую роль, как это обычно случалось в истории, играли при этом случай или некое стечение обстоятельств. Свое веское слово было сказано и самим колониализмом, имевшим на Востоке определенные интересы, особенно в том, что касается ресурсов (вначале пряности, позже хлопок, каучук, металлы и иные растительные минеральные богатства), и соответственно предпочтения. Но, как бы то ни было, трансформация затронула весь Восток, хотя в различных его частях этот процесс шел по-разному, отличаясь и темпами, и результатами, не говоря уже о региональной специфике.

Если обратить внимание прежде всего на эту специфику, то окажется, что особняком стояли две крупные зоны – латиноамериканская и африканская (южнее Сахары). Общим для обеих был изначально слабый и шедший крайне замедленными темпами процесс политогенеза. На первый взгляд, может показаться, что такой вывод несправедлив по отношению к государствам доколумбовой Америки, имевшим более чем тысячелетнюю историю. Но внимательное знакомство с внутренней структурой этих в основном протогосударственных сменявших друг друга образований (и даже просуществовавшей очень недолго так называемой «империи» инков) показывает, что перед нами политические структуры очень раннего типа. Специалисты, стоит напомнить, обычно сопоставляют их с древневосточными. И сам факт столь легкого их крушения после соприкосновения с горсткой испанских конкистадоров свидетельствует именно об этом. Поэтому доколумбова Америка в целом, при всем богатстве ее авуаров, имея в виду и ресурсы (прежде всего драгоценные металлы) и принципиально новые для европейцев виды растений, начиная с картофеля, томатов и какао или кофе, в принци-

пе вполне сопоставима с тропической Африкой, где ресурсов было тоже немало, хотя и местное население в основной своей массе находилось на гораздо более низком, догосударственном уровне развития.

Для обеих обширных зон, даже континентов, о которых идет речь, характерной была прежде всего слабость в сфере нескольких отмеченных выше важных факторов, совокупность которых определяла судьбу той или иной из стран Востока. Помимо низкого производственного уровня и слаборазвитой (а то и, как на большей части территории Африки, вообще отсутствовавшей) государственности, они отличались также примитивным религиозно-цивилизационным фундаментом. Этот примитивизм проявлялся прежде всего в системе кровавых жертвоприношений и в отсутствии сколько-нибудь разработанной религиозно-этической доктрины. Что касается роли случая или стечения исторических обстоятельств, то и здесь сходство между континентами несомненно: оба они оказались совершенно не подготовленными к натиску немногочисленных, но жестоких и до зубов вооруженных колонизаторов, которые сравнительно легко поработили местные народы, разрушив их и без того достаточно слабые древние протоцивилизационные традиции.

Неудивительно, что в определенной степени сходен был и результат: лишившись традиционной основы и не имея прочных религиозно-этических корней, сколько-нибудь устойчивой сформировавшейся собственной культуры, индейцы Южной Америки и негры Африки, правда в разное историческое время и различными способами и темпами, стали превращаться в население совершенно новых государственных образований, создававшихся колонизаторами. В Латинской Америке это нашло свое выражение прежде всего в христианизации (латинизации) местного и ввезенного туда в виде рабов африканского населения, которое начало играть роль более или менее послушных подданных в государствах, созданных в основном испанцами (в Бразилии – португальцами). И Испания, и Португалия не принадлежали к числу развитых европейских держав, а господство в этих странах католицизма способствовало крайне замедленному их капиталистическому развитию. И хотя в распоряжении колонизаторов было почти полтысячелетия, темпы трансформации латиноамерикан-

цев были весьма медленными, так что к XIX веку, когда колониализм начал энергичный натиск на отставшие в своем развитии страны мира, южноамериканский континент оказался в числе этих стран. Правда, его важным отличием от многих других стран Востока были полная христианизация, а также наиболее ранняя волна национально-освободительных движений, ставивших своей целью избавиться от господства метрополий и добиться независимости, в чем большинство этих стран, одна за другой, со временем и преуспели.

Что касается Африки, то, если оставить в стороне заселенные европейскими колонистами (голландцами-бурами и англичанами) территории крайнего юга, она на первом этапе колониализма была в основном источником сырья, важнейшей частью которого (здесь нужно извиниться перед читателем за использованную терминологию) были сами африканцы, вывозившиеся прежде всего в Америку и использовавшиеся там в качестве рабов. И лишь в конце прошлого века начался быстрый, даже бурный процесс колонизации Африки, территория которой оказалась в конечном счете поделенной в основном между Англией и Францией, при всем том, что некоторая часть ее досталась и иным странам (Бельгии, Германии, Португалии, Испании). Как упоминалось, уровень экономического и политического развития негритянской Африки был ниже латиноамериканского. Поэтому здесь почти не было национальных движений, долгое время не достигал заметного успеха процесс христианизации. Но тем не менее трансформация Африки шла, причем достаточно быстрыми темпами. Если в латиноамериканском варианте эти темпы можно считать замедленными, ибо они растянулись на полутысячелетие, то для африканцев они были очень быстрыми и формально заняли всего несколько десятилетий (имеется в виду время до начала деколонизации).

Конечно, итоговые результаты оказались соответственно далеко не одинаковыми. Медленно тянувшийся процесс трансформации в Латинской Америке привел в значительной степени благодаря помощи и активному вмешательству США сначала к их деколонизации, а затем и к вестернизации и модернизации, благодаря чему этот континент в наши дни достаточно быстро преодолевает свою отсталость. Африка же, опять-таки исключая

ЮАР, все еще остается и, видимо, надолго останется самым больным местом современного мира, ибо темпы ее политических достижений (независимость африканских государств, в подавляющем большинстве республик) никак не соответствуют уровню ее социально-экономического и цивилизационно-культурного развития, по-прежнему крайне низкого.

Что касается Азии – основного объекта колониальной экспансии с XVI в., то здесь тоже можно выделить некоторые объективные закономерности, сыгравшие свою важную роль в процессе трансформации той или иной страны. Особо среди этих стран выделяется Индия, самая ранняя и главная из колоний Англии. Будучи страной достаточно (особенно по восточным меркам) развитой и к тому же обладавшей с глубокой древности уникальной по многим параметрам и философски насыщенной цивилизацией, Индия исстари имела единственный существенный недостаток, сыгравший роковую роль в ее истории: у нее никогда не было сильного государства, что во многом обуславливалось спецификой ее социальной общинно-кастовой структуры. Даже исламские правители, легко укрепившиеся в этой стране, не сумели создать там сильную империю (империя Великих Моголов при всей ее внешней мощи рассыпалась при первых серьезных испытаниях и уж во всяком случае не имела возможности противостоять хорошо продуманной колониационной политике Ост-Индской компании, а затем и официальных властей Британии).

Неудивительно, что с XIX в. всю тяжесть процесса трансформации взяли на себя англичане, причем действовали они в этом направлении весьма умело, учитывая, пусть даже не сразу осознав и тем более адекватно оценив их, все местные особенности. Результат хорошо известен: к эпохе деколонизации (середина XX в.) Индия уже была практически готова не только к политическому самоуправлению, но и, что намного важнее, к продолжению продуктивного заимствования всего наиболее ценного из наследия метрополии и к наращиванию необходимых для ее дальнейшего развития и тем более экономического роста темпов вестернизации и модернизации. В какой-то мере сказанное можно отнести и к иным английским колониям в Азии, даже к

некоторым из тех стран, которые вроде Египта не были ее колониями в полном смысле этого слова.

Страны Индокитая и островного мира Юго-Восточной Азии (прежде всего имеется в виду Индонезия) – это весьма пестрый мир английских, голландских, французских и даже (Филиппины) испанских колоний. Участи колонии в этом регионе избежал один лишь Таиланд. Но стоит отметить важное обстоятельство, что в принципе на судьбах стран региона сказалось не столько то, сколько времени та или иная страна была колонией, сколько уровень их изначального развития и природные условия. Лаос, например, всегда был отсталым внутренним горным районом, труднодоступным, малопривлекательным с точки зрения его ресурсов. То же можно сказать о многих островах Индонезии, включая и некоторые крупные. Что же касается цивилизационного фундамента региона, то здесь он был на диво прочным и разнообразным: на древний слой индо-буддийской цивилизации, заложившей в Юго-Восточной Азии основы культуры и государственности, накладывалось сильное влияние Китая, а с XIV–XV вв. и ислама.

Особо стоит сказать о Китае. С древности мощный поток его влияния постоянно испытывал в этом регионе лишь Вьетнам, одна из наиболее крупных и развитых стран Юго-Восточной Азии. Но зато в средневековый период, примерно с XIII–XIV вв., стал ощущаться мощный поток мигрантов из перенаселенных южных провинций империи. Эти переселенцы — хуацяо, будучи представителями много более развитой цивилизации, заняли ведущие позиции в экономической жизни стран региона, и именно они в первую очередь оказались в роли посредников-компраторов в тех странах и тогда, когда в их помощи особенно нуждались колонизаторы. Их участие в налаживании нового типа экономических связей и в трансформации традиционной восточной структуры в целом оказалось с XIX в. наиболее заметным и важным.

Страны арабского мира были чаще всего лишь полуколониями, в основном из-за того, что вплоть до XIX в. (а частично и до XX) они считались частью Османской империи. Но, так как в XIX в. эта империя уже настолько одряхлела, что само ее существование было под вопросом (в значительной мере она сохраня-

лась потому, что это было выгодно англичанам, не желавшим усиления России за ее счет), то стоит заметить, что практически зависимость стран Магриба на севере Африки или ближневосточных арабских стран, вплоть до Персидского залива, была почти колониальной. В аналогичном положении находился в то время и Иран, хотя формально им управляли шахи. Более того, сама имперская Турция, несмотря на отчаянные усилия султанов реформировать ее, в очень большой степени зависела от все тех же колониальных держав. Учитывая это, опять-таки важно заметить, что степень реальной колониальной зависимости и даже сам факт наличия или отсутствия собственной администрации (ее могла заменять колониальная – тогда это была колония в полном смысле слова) не играли первостепенной роли. С точки зрения процесса трансформации (вестернизации и модернизации по европейской модели) гораздо больше значило то, насколько та или иная страна была заинтересована в заимствованиях и подготовлена к ним.

Как свидетельствует практика, султанская Турция была готова к этому намного больше, нежели, скажем, шиитский Иран, который англичане понуждали к трансформации весьма энергично, имея там много более сильные позиции (в том числе нефтяные промыслы), чем они имели в Турции. Небольшие и слабые арабские страны находились в достаточно сильной зависимости прежде всего от Англии и Франции и зачастую были практически их колониями. Соответственно колониальная администрация немало делала для того, чтобы подготовить эти страны к трансформации. Но существенных успехов в мире бедуинов она не достигла.

Ну и, наконец, особых слов заслуживает дальневосточный регион, представленный прежде всего Японией и Китаем. Уникальная конфуцианская цивилизация с необычайно сильной государственностью и прежде всего с олицетворявшей ее чиновной бюрократией была крепким орешком для колонизаторов. И хотя после Опиумных войн во второй половине прошлого века Китай фактически подчинился диктату держав, в первую очередь Англии, эффект колониализма здесь всегда был достаточно слаб, хотя и в марксистской историографии его всячески старались преувеличить. Суть же этого эффекта сводилась к тому, что,

хотя колонизаторы оказывали мощное финансово-экономическое давление на эту огромную страну, а иногда даже бывали вовлечены в прямые и небезуспешные для них военные действия, Китай (хотя это делалось не в открытую, а с экивоками, с заявлениями о том, что в свое время сами китайцы многое из этого знали, да подзабыли) энергично и достаточно умело заимствовал достижения западной цивилизации, особенно в сфере науки, техники, технологии, системы образования. И, что немаловажно, в сфере общественнознания, включая социальные эксперименты революционаристского и даже экстремистского характера. Результатом была не только достаточно быстрая трансформация великой древней империи, пусть и бурно протекавшая, но и, что много важнее, накопление прагматически ценного опыта, позволившего уже в конце нашего века гармонично сочетать свое и чужое, китайское и заимствованное, что уже в нашем веке заметно проявилось как на Тайване, так и на континенте, т. е. в очень разных условиях.

Что касается Японии, то уникальность этого варианта все той же дальневосточной и в глубинной основе своей конфуцианской цивилизации заключалась в том, что слабая государственность здесь всегда компенсировалась сильной военной властью, крепившей страну даже в условиях феодальной раздробленности. Другая специфическая особенность Японии — умение и желание охотно заимствовать и творчески применять у себя все ценное и полезное, что можно было взять у других, начиная с Китая и кончая господствовавшей в странах южных морей колониальной Голландией. Эта особенность сыграла важную роль в судьбах страны: именно в последней трети прошлого века, когда натиск колонизаторов на Восток стал особенно сильным и широкомасштабным, она сумела преодолеть внутренний кризис и воссоздать крепкую империю, быстро и умело приступившую к внутренней трансформации страны по западной модели.